

М. К. Муромцев
and others
ДАРВИНЪ

КАКЪ

ТИПЪ УЧЕНАГО.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

К. ТИМИРЯЗЕВА

Читана въ Московскомъ Университетѣ 2-го апрѣля 1878.

МОСКВА.

—
1878.

ДАРВИНЪ

КАКЪ

ТИПЪ УЧЕНАГО.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

К. ТИМИРЯЗЕВА.

Читана въ Московскомъ Университетѣ 2-го апрѣля 1878.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о,
Леоптьевскій переулокъ, домъ № 14.

1878.

По опредѣленію Совѣта Московскаго Университета печатать разрѣшается
8-го апрѣля 1878 года.

Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *Н. Тихомировъ.*

Дарвинъ какъ типъ ученаго.

Милостивыя Государыни и Государи!

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, 1-го іюля 1858 года, въ засѣданіи Лондонскаго Линнеевскаго общества была получена, чрезъ посредство двухъ знаменитыхъ ученыхъ, Лайеля и Гукера, небольшая записка, занимающая въ трудахъ общества всего двѣ печатныя страницы. Авторомъ этой записки былъ ученый, уже не молодой, ему было 50 лѣтъ, и уже двадцать лѣтъ почти не покидавшій своей деревни. И на этотъ разъ онъ не счелъ нужнымъ явиться въ засѣданіе, да и самую записку свою рѣшилъ представить только по настоянію, почти по принужденію, своихъ друзей. Записка эта касалась сухаго, техническаго вопроса „о происхожденіи видовъ“ а ученаго звали—Чарлзъ Робертъ Дарвинъ.

Прошло два года, и мысли, изложенныя на этихъ двухъ страничкахъ, облетѣли весь ученый міръ, имя Дарвина, до тѣхъ поръ уважаемое только немногими спеціалистами, зоологами и геологами, было въ устахъ каждаго натуралиста, хотя и проносилось съ весьма различными чувствами.

Прошло двадцать лѣтъ, и теперь едва ли найдется уголокъ образованнаго міра, гдѣ бы не слышали этого имени; мало того, едва ли найдется образованный или даже полуобразованный человѣкъ, который, сознательно или безсознательно, самостоятельно или по наслышкѣ, не составилъ себѣ о немъ мнѣнія, все равно лестнаго или пелестнаго, сочувственнаго или враждебнаго. Это имя и связанное съ нимъ ученіе перестало быть достояніемъ исключительно ученыхъ, оно сдѣлалось достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей. Серьезный ученый по-

стоянно имѣетъ въ виду это ученіе, но и свѣтскій человѣкъ не прочь вставить въ свой разговоръ „борьбу за существованіе“ или какое другое выраженіе, заимствованное изъ моднаго ученія. Въ исторіи наукъ бывали примѣры, что за извѣстной теоріей, за извѣстной гипотезой сохранялось имя ея автора, но чтобы имя человѣка сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для цѣлаго направленія, цѣлаго отдѣла знанія — подобнаго примѣра еще не бывало, а между тѣмъ, обратитесь къ любому библиографическому указателю и тамъ, рядомъ съ заголовками: зоологія, ботаника, геологія, вы встрѣтите новый — Дарвинизмъ. Громадная литература этой новой отрасли знанія уже и теперь едва ли подъ силу одному человѣку; наконецъ уже возникаютъ спеціальныя повременныя изданія, имѣющія исключительную цѣлю развитіе и разработку этого ученія.

Это умственное движеніе не ограничилось однимъ естествознаніемъ, оно охватило и другія области знанія; философы, историки, психологи, филологи, моралисты приняли въ немъ живое участіе. Какъ всегда случается при обсужденіи вопросовъ, представляющихъ такой всеохватывающей интересъ, къ голосу холоднаго разума присоединился и голосъ страстей. Возникла борьба, какой не запомнятъ въ лѣтописяхъ научной мысли. Въ ожесточенной схваткѣ сшиблись самыя противоположныя убѣжденія, самыя разнородныя побужденія. Трезвый критическій анализъ сталкивался съ фанатическимъ поклоненіемъ; открытая справедливая дань удивленія предъ талантомъ встрѣчалась съ худо затаенной мелкой завистью; всеохватывающія обобщенія и напускной скептицизмъ, фактическіе доводы и метафизическія доказательства, безцеремонныя обвиненія въ шарлатанствѣ и такія же безцеремонныя обвиненія въ скудоуміи, насмѣшки, глумленіе, восторженные возгласы и проклятія — словомъ все, что могутъ вызвать слѣпая злоба враговъ, и медвѣжья услуга друзей — все примѣшалось для того, чтобы усложнить исходъ этой умственной борьбы. И среди этого смятенія, этого хаоса мнѣній и толковъ, одна личность сохраняла невозмутимое, величавое спокойствіе — это былъ самъ виновникъ этого движенія — Дарвинъ.

• Какого бы взгляда не придерживаться, на чью бы сторо-

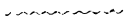
ну не стать, должно прежде всего сознаться, что раз-
мѣры этой борьбы, та страстность, которую вносятъ въ нее
обѣ стороны, доказываютъ одну истину—въ міръ брошена
новая идея, затрогивающая глубокіе умственные и нравственные
интересы и цѣлое поколѣніе, а можетъ быть и не одно,
будетъ се развивать и анализировать, расширяя или ограни-
чивая, пока не найдетъ для нея полного, всесторонняго вы-
раженія, пока не укажетъ ей границы.

Посмотримъ же, въ чемъ заключается основная мысль
этого ученія, на какую насущную потребность человѣчес-
скаго разума откликнулось оно, можно ли его считать доказан-
нымъ, чѣмъ обяснимъ его безпримѣрный успѣхъ, и на сколько
успѣхъ, ученія зависитъ отъ личности ученаго, его провоз-
гласившаго.

Познакомимся прежде всего съ дѣятельностью этого уче-
наго, предшествовавшей тому засѣданію Линнеевскаго об-
щества, когда его ученіе сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Труд-
но найти жизнь, которая была бы такъ бѣдна событіями.
Сынъ ученаго медика, внукъ извѣстнаго писателя, Еразма
Дарвина, Чарльзъ Дарвинъ родился 25-го февраля 1809 года,
пробылъ два года въ Эдинбургскомъ университетѣ, затѣмъ
четыре въ Кембриджскомъ, гдѣ и получилъ степень Бакала-
вра. Тотчасъ по выходѣ изъ университета, въ 1831 году,
онъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе на Кораблѣ „Бигль“. Пятилѣтнее
плаваніе было для него школой, обогатившей
его громаднымъ запасомъ фактовъ и выработавшей замѣча-
тельный талантъ наблюдателя и умѣніе угадывать, вѣрно объ-
яснять, явленія природы. Плодомъ этого путешествія было нѣ-
сколько специальныхъ изслѣдованій, отличавшихся указанными
двумя свойствами и журналъ путешествія, изданный въ двухъ
томахъ и замѣчательный по простотѣ, безыскусственности и до-
ступности изложенія; книга эта, болѣе чѣмъ спеціальныя труды,
сдѣлала его имя знакомымъ всѣмъ любителямъ серіознаго
чтенія. Возвратясь въ Англію, онъ женился и поселился въ
деревнѣ, въ своемъ именіи, въ мѣстечкѣ Down, гдѣ и живетъ
до настоящаго времени, почти безвыѣздно. Но спеціальныя
изслѣдованія не поглощали всего досуга этой мирной, отшель-
нической жизни. При томъ письмѣ, которое было представлено
его друзьями въ 1858 году въ Линнеевское общество, былъ

приложенъ документъ, доказывавшій, что развиваемыя имъ идеи были изложены имъ со всею полнотой уже въ 1839 году, и тѣмъ не менѣе онъ счелъ возможнымъ напечатать ихъ вполнѣ только ровно черезъ двадцать лѣтъ, въ 1859. Критикамъ этого ученаго не слѣдовало бы никогда забывать, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который двадцать лѣтъ обдумываетъ свои мысли, прежде чѣмъ выпускаетъ ихъ въ печать.

Какая же была эта мысль, въ теченіе двадцати лѣтъ созрѣвавшая въ этомъ могучемъ мозгу? Какая была эта истина, которую онъ такъ тщательно и долго скрывалъ, словно опасаясь слишкомъ озадачить ею міръ?

Изученіе живыхъ существъ, растеній и животныхъ, приводитъ внимательнаго наблюдателя къ одному общему заключенію, всѣ эти существа, въ общей сложности, поразительно совершенны, разумѣя подъ совершенствомъ приспособленіе каждой части, каждого органа къ его отпращиванію и цѣлаго организма къ средѣ его существованія.

Почему органическія существа такъ совершенны, такъ цѣлесообразно организованы, такъ гармонируютъ съ условіями ихъ существованія,—вотъ вопросы, которые невольно приковывали на себѣ вниманіе натуралистовъ и философовъ—настойчиво, неотвязчиво преслѣдуя всякаго мыслящаго человѣка, стремившагося къ сознательному міросозерцанію. Чѣмъ болѣе накоплялось фактовъ, тѣмъ болѣе росло изумленіе передъ этимъ совершенствомъ, передъ этой цѣлесообразностью, этой гармоніей органической природы. Многіе мыслители и ученые довольствовались простымъ констатированіемъ факта; въ яркихъ, иногда даже въ преувеличенно яркихъ краскахъ, описывали они это совершенство, эти чудеса—но когда имъ задавали вопросъ: „да почему же они такъ совершенны?“.. то получали въ отвѣтъ:—„потому что они созданы таковыми“. Но понятно, что такой отвѣтъ немногихъ удовлетворялъ—это даже былъ вовсе не отвѣтъ. Это было отрицаніе возможности отвѣта. Обидное сознаніе безсилія ума объяснить эту общую, но, на каждомъ шагѣ въ новой формѣ повторяющуюся загадку природы, побудило нѣкихъ уче-

ныхъ броситься въ другую крайность — всякое новое указаніе на цѣлесообразность, на гармонію природы преслѣдовалось насмѣшкой и глумленіемъ. Обращикъ такого отношенія къ дѣлу мы находимъ у Гейне, всегда чуткаго къ жгучимъ вопросамъ науки и философіи. Въ своемъ путешествіи на Гарцъ, онъ рассказываетъ, какъ встрѣтился съ однимъ простоватымъ бюргеромъ, который сталъ ему надѣдать своими измышленіями о цѣлесообразности природы; — выведенный изъ терпенія, говоритъ Гейне, я постарался наконецъ подладиться подъ его тонъ и продолжалъ: вы правы, въ природѣ все цѣлесообразно — вотъ она создала быка, чтобъ изъ него можно было дѣлать вкусный бульонъ; она создала осла, чтобъ человѣкъ имѣлъ предъ собою вѣчный предметъ для сравненія; она создала наконецъ человѣка — чтобъ онъ кушалъ бульонъ и не походилъ на осла. Остроуміе очевидно было на сторонѣ Гейне, но истина, по крайней мѣрѣ не малая доля истины, была на сторонѣ его простоватаго собесѣдника. Насмѣшка не разрѣшала и не устраняла вопроса о цѣлесообразности природы. Но дѣло не ограничивалось одними насмѣшками, — доходило до того, что поразительные факты обходились молчаніемъ, подвергались забвенію, просто отрицались — потому только, что казались слишкомъ изумительными, слишкомъ раздражали умъ, напоминая ему о его безпомощности объяснить ихъ. Такъ, на примѣръ, было съ открытіемъ насѣкомоядныхъ растений въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія — его отрицали, объ немъ не рѣдко даже упоминали какъ о примѣрѣ до чего можетъ увлекаться умъ, ищущій вездѣ въ природѣ цѣлесообразности, пока Дарвинъ, ровно черезъ сто лѣтъ, не возстановилъ истину и не раскрылъ фактовъ, еще болѣе изумительныхъ.

Понятно, что ни лирическіе восторги по поводу чудесъ природы, ни сарказмы, подобные описанной выходкѣ Гейне, ни ложный скептицизмъ, предпочитающій скорѣе отрицать дѣйствительность чѣмъ, сознаться въ своемъ безсиліи объяснить ее — ни сколько не умаляли значенія факта. Цѣлесообразность органическихъ формъ и жизненныхъ явленій продолжала по прежнему поражать всякаго, сознательно относящагося къ окружающимъ явленіямъ.

Въ отвѣтъ на насмѣшки, природа, какъ бы нарочно поддразнивая человѣка, какъ бы издѣваясь надъ нимъ, въ каждомъ новомъ изслѣдованіи, съ каждымъ новымъ открытіемъ раскрывала передъ нимъ новыя и новыя совершенства. Вопросъ оставался открытымъ; загадка оставалась назойливой, мучительной загадкой—пока не явился Дарвинъ и не принесъ къ ней ключа.

Этотъ давно ожидаемый, давно искомый ключъ заключался въ тѣхъ двухъ страничкахъ, которыя были прочтены 1 іюля 1858 года въ Линнеевскомъ Обществѣ. Подъ сухой, технической оболочкой этой записки скрывалось новое, самобытное міро-воззрѣніе, цѣлая философія природы, всѣ логическія послѣдствія которой едва ли еще исчерпаны.

Въ чемъ же заключается этотъ ключъ, какую цѣпью умозаключеній доходитъ Дарвинъ до желаемого объясненія причины гармоніи и цѣлесообразности органическаго міра? Постараемся въ самыхъ крупныхъ, общихъ чертахъ прослѣдить ходъ развитія его мысли.

Мы видѣли, что на вопросъ почему органическія существа такъ совершенны, наука, въ былое время отвѣчала, потому что они созданы такими. Если этотъ отвѣтъ вѣренъ, если органическія существа дѣйствительно возникли въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ застаемъ, если всѣ эти сотни тысячъ разнообразныхъ существъ когда-то вылились въ окончательныя; неподвижныя, на вѣки застывшія формы, тогда копечно наукѣ здѣсь дѣлать нечего, ея анализъ безпомощенъ, онъ не въ состояніи разложить подобный элементарный, первичный фактъ. Но если, на оборотъ, всѣ эти формы сложились постепенно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ намъ законовъ природы—тогда положеніе дѣла измѣняется, тогда мы въ правѣ задать вопросъ, почему же дѣйствіе этихъ законовъ сложилось такимъ образомъ, что въ результатѣ получились совершенство и гармонія, а не совершенно обратное явленіе.

Вопросъ о причинѣ совершенства организмовъ находится слѣдовательно въ связи съ вопросомъ о ихъ происхожденіи.

Для того, чтобъ ознакомиться съ положеніемъ этого послѣдняго вопроса, которое засталъ Дарвинъ, намъ нужно начать нѣсколько издалека. По странному совпадѣнію, ровно за полстолѣтія до появленія книги Дарвина и слѣдовательно

ровно въ годъ его рожденія, въ Парижѣ, вышло въ свѣтъ сочиненіе Ламарка „Philosophie Zoologique“. Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, въ первый разъ со строго научной точки зрѣнія возбуждался вопросъ: не могли ли всѣ теперь существующіе организмы возникнуть съ теченіемъ времени, одни изъ другихъ, путемъ постепеннаго, медленнаго процесса измѣненія—и не только былъ возбужденъ этотъ вопросъ, но и былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Эта мысль, удачно развитая и поддерживаемая Ламаркомъ, съ каждымъ новымъ шагомъ науки приобрѣтала болѣе и болѣе вѣроятія. Посмотримъ какіе же доводы можно привести въ ея защиту. Главнымъ доводомъ служить то сходство, иногда очевидное, иногда скрытое, которое представляютъ намъ всѣ организмы, не смотря на ихъ, кажущееся безконечное разнообразіе.

Одна изъ первыхъ задачъ, которую стремилось разрѣшить естествознаніе, заключалась въ томъ, чтобъ распутать эту сложную сѣть взаимнаго сродства организмовъ; результатомъ этого стремленія было возникновеніе естественной классификаціи. Образовавъ изъ существъ, наиболѣе между собою сходныхъ группы или *коллективныя единицы*, получившія названіе *видовъ*—эти виды стали группировать, по степени ихъ сродства, въ болѣе обширныя группы: *роды, семейства, котна*. Но что же должны были выражать всѣ эти степени сродства, обнаруживаемыя классификаціей? Не рѣшаясь высказаться, что они выражаютъ близость по происхожденію, степени кровнаго родства, прибѣгли къ темному, лишенному опредѣленнаго смысла выраженію—*сродство*. Говорили, что системы выражаютъ степени сродства, существующія между живыми существами. Дальнѣйшіе успѣхи науки показали, что сродство между организмами не ограничивается однимъ внѣшнимъ сродствомъ; сравнительное изученіе анатомическаго строенія обнаруживаетъ, что органы даже по внѣшнему виду различныя, даже служащія для различныхъ отправленій, представляютъ извѣстный общій складъ, построены какъ бы по общему образцу, по общему плану; органъ очень развитой у одного существа, мало развитъ у другаго, едва развитъ у третьяго—на каждомъ шагѣ встрѣчаются такъ называемыя переходныя, промежуточныя, зачаточныя формы.

Далѣ, изученіе исторіи развитія показало, что сходства, скрывающіяся на взрослыхъ организмахъ, проявляются при сравненіи ихъ зародышей. Наконецъ начало всякаго растенія или животнаго, клѣточка, комокъ протоплазмы, сходно у всѣхъ безъ исключенія организмовъ. Такимъ образомъ вся совокупность фактовъ, доставляемая классификаціей, сравнительной анатоміей, эмбриологіей, указываетъ на существованіе сродства, сродства между формами, даже очень отдаленными. Рядомъ съ этимъ результатомъ выясняется и другой общій біологическій фактъ: органическій міръ являетъ намъ какъ бы непрерывную лѣстницу существъ, представляющихъ постепенныя ступени усовершенствованія, начиная съ простыхъ одноклѣтныхъ организмовъ и кончая человѣкомъ. То же оправдывается и относительно отдѣльныхъ органовъ; мы не рѣдко можемъ прослѣдить какъ они возникли, чрезъ какія ступени усовершенствованія прошли, пока достигли высшаго развитія. Какъ же наконецъ объяснить себѣ эту сложную сѣть взаимнаго сродства, эту постепенно восходящую лѣстницу живыхъ существъ? Очевидно, самое простое, самое естественное, невольно навязывающее уму объясненіе — слѣдующее: всѣ эти сходныя существа произошли одни изъ другихъ, сложные изъ простыхъ, совершенныя изъ несовершенныхъ. Стоитъ на мѣсто неопредѣленнаго выраженія *сродство*, поставить ясное, реальное понятіе *родство* — откинуть только эту маленькую букву *с*, и все станетъ просто и понятно.

Но если это предположеніе вѣрно, то оно должно найти себѣ подтвержденіе въ исторіи органическаго міра, т. е. въ геологіи. И дѣйствительно, въ общихъ чертахъ, вся совокупность геологической лѣтописи является въ подтвержденіе этого взгляда. Она свидѣтельствуетъ, что сложное появилось позже простаго; чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ эпоха, тѣмъ проще ея обитатели и тѣмъ менѣе они похожи на современные организмы; съ теченіемъ времени, къ нимъ присоединяются болѣе сложные, которые вытѣсняють ихъ; флора и фауна постепенно приближается къ современной. Сверхъ того, ископаемыя позднѣйшихъ формацій, находимыя на различныхъ точкахъ земнаго шара, соотвѣтствуютъ существамъ, и теперь обитающимъ въ этихъ странахъ, какъ это показываетъ сравненіе ископаемыхъ и живущихъ формъ стараго и новаго свѣта.

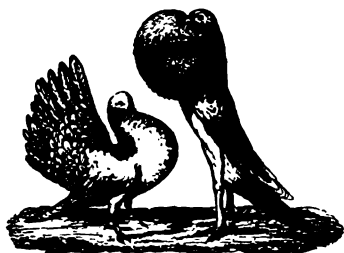
Послѣдовательность въ появленіи организмовъ соотвѣтствуетъ послѣдовательности въ ихъ усложненіи, которую мы пытались выразить въ нашихъ классификаціяхъ. Такъ напр. хвойныя растенія, которыя, на основаніи сложныхъ микроскопическихъ изслѣдованій и длиннаго ряда умозаключеній, мы должны помѣстить между безцвѣтковыми растеніями и высшими цвѣтковыми, занимаютъ какъ разъ это мѣсто и въ исторической послѣдовательности ихъ появленія. Это согласное показаніе двухъ отраслей знанія, руководящихся совершенно различными логическими соображеніями и различными приѣмами изслѣдованія, не можетъ не убѣждать въ справедливости защищаемаго воззрѣнія.

Итакъ, всѣ отрасли науки объ органической природѣ согласно свидѣтельствуютъ о кровномъ родствѣ, о единствѣ происхожденія организмовъ. Внося это воззрѣніе, мы вносимъ свѣтъ и смыслъ во всѣ наши свѣдѣнія о природѣ—отказываясь отъ него, мы повергаемъ ихъ во мракъ и сомнѣніе.

И однако, не смотря на кажущуюся логическую обязательность этого заключенія, такіе умы, какъ Кювье, какъ Агассисъ, обогатившіе науку значительной долей сюда относящихся фактовъ, рѣшительно отказывались отъ такого заключенія; они упорно утверждали, что каждая изъ сотенъ тысячъ органическихъ формъ создана независимо отъ остальныхъ. Противъ всѣхъ приведенныхъ доводовъ они выставляли несомнѣнный будто бы фактъ—фактъ неизмѣнчивости *видовъ*. Они говорили, всѣ эти соображенія о взаимномъ родствѣ организмовъ очень хороши,—но до сихъ поръ никто не видалъ, чтобы виды измѣнялись, чтобы они давали начало другимъ видамъ. Это-то убѣжденіе, этотъ научный догматъ о постоянствѣ *видовъ* и служилъ единственнымъ доводомъ, препятствовавшимъ допущенію ученія о родствѣ всѣхъ организмовъ, о единствѣ органическаго мира. Необходимо было подорвать это убѣжденіе въ неизмѣняемости вида, доказать его несостоятельность, отсутствіе подъ нимъ фактической почвы. И Дарвинъ блистательно выполнилъ эту задачу.

Къ сожалѣнію, я не въ состояніи изложить здѣсь весь ходъ его аргументаціи—не потому, что было бы невозможно представить ее въ такой доступной формѣ, чтобы вы, Милостивыя Государыни и Государи, сами могли быть судьями,

на чьей сторонѣ истина, но потому, что для этого потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ я имѣю въ своемъ распоряженіи *). Остановлюсь только на одномъ примѣрѣ, который и Дарвинъ считаетъ наиболѣе убѣдительнымъ. Говорятъ, виды не измѣнчивы, видъ не можетъ на столько измѣниться, чтобъ дать начало другому виду. Но вотъ передъ нами голубь и вотъ другой голубь — и вы видите, что ни одинъ изъ ихъ не похожъ на другаго и ни одинъ изъ нихъ не похожъ на простаго голубя; и все же это голуби и происходятъ отъ настоящаго голубя — и тѣмъ не мѣнѣе, еслибъ ихъ нашли въ дикомъ состояніи — въ природѣ, то не признали бы въ нихъ обыкновенныхъ голубей, а установили бы не только два новыхъ вида, но даже, пожалуй, два новыхъ рода.

Въ виду такихъ фактовъ и другихъ не менѣе убѣдительныхъ доводовъ, приведенныхъ Дарвиномъ, ученіе о постоянствѣ вида уже болѣе не выдерживаетъ критики, а вмѣстѣ съ нимъ падаетъ единственная преграда для принятія ученія о единствѣ органическаго міра. Ничто не говоритъ противъ него, а все свидѣлствуетъ въ его пользу, слѣдовательно мы должны признать въ немъ единственное, согласное съ дѣйствительностью воззрѣніе на органическій міръ. Какъ не велика заслуга Дарвина въ этомъ отношеніи, она еще не составляетъ его главной заслуги. Всю силу доводовъ, приведенныхъ Дарвиномъ, сознавалъ уже и Ламаркъ, только Дарвинъ привелъ въ нихъ защиту такую массу тщательно, критически

*) Читателямъ, не имѣющимъ времени заняться изученіемъ книги Дарвина, но желающимъ ближе ознакомиться съ ея содержаніемъ безъ всякихъ комментаторскихъ прикракъ я могу указать на мои статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1864 годъ, изданныя особой брошюрой подъ заглавіемъ „Краткій очеркъ теоріи Дарвина“. С. П. Б. 1865.

провѣренныхъ фактовъ, что дальнѣйшее сопротивленіе стало невозможнымъ. Этимъ онъ такъ сказать разчистилъ дорогу, проложилъ путь для той части своего ученія, которая всегда останется связанной съ его именемъ, для той части, которая стремится разрѣшить основную задачу—причину совершенства и гармоніи органическаго міра.

Мы допустили такимъ образомъ, что всѣ организмы находятся въ кровномъ родствѣ, что они произошли. одни изъ другихъ, медленнымъ, непрерывномъ процессомъ историческаго развитія, о которомъ свидѣлствуетъ геологія.—Но почему же этотъ историческій процессъ, неуклонно велъ къ совершенствованію — почему въ основѣ органическаго міра лежитъ законъ прогресса, а не обратное явленіе? Теорія Дарвина даетъ намъ первый удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Для объясненія этого закона прогресса, Дарвинъ прибѣгнулъ къ приему, до того оригинальному, до того, съ перваго взгляда парадоксальному, что многіе изъ его противниковъ и обличителей, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ нашихъ отечественныхъ, до сихъ поръ не могутъ, или не хотятъ, его понять. Для объясненія того, что совершается въ природѣ, подъ вліяніемъ физическихъ силъ, онъ обратился за сравненіемъ къ тому, что совершается подъ вліяніемъ разумной воли человѣка.

Всѣ искусственныя произведенія человѣка, выведенныя имъ породы животныхъ и растений, несутъ несомнѣнный отпечатокъ совершенства, разумѣется условнаго, т. е. съ точки зрѣнія пользы человѣка, а не пользы самого организма. Во всѣхъ этихъ организмахъ отражается мысль и воля человѣка; они представляютъ осуществленіе извѣстныхъ, задуманныхъ имъ цѣлей. Какимъ же путемъ осуществлялъ онъ эти цѣли? Какимъ путемъ заставилъ онъ органическія формы измѣняться соотвѣтственно его желанію? Для этого въ практикѣ садоводовъ и скотоводовъ давно существуетъ одинъ общій приемъ, такъ называемый *отборъ*. Онъ основанъ на слѣдующихъ двухъ общихъ свойствахъ организмовъ, на слѣдующихъ двухъ коренныхъ законахъ. Похожи ли дѣти на своихъ

родителей? И да и нѣтъ, вообще говоря похожи, но не безусловно. Это *да*—есть заявленіе одного закона природы—закона *наслѣдственности*; это *нѣтъ* есть заявленіе другаго закона природы—закона *измѣнчивости*. Органическія существа могутъ неизмѣнно передавать свои особенности потомству, но могутъ также измѣняться и передавать свои измѣненія потомству. Не существуетъ двухъ существъ безусловно между собою сходныхъ — сѣмена взятія съ одного растенія, изъ одного плода, обнаруживаютъ различія и эти различія часто передаются потомству. Сочетаніемъ этихъ двухъ свойствъ: наслѣдственности и измѣнчивости—т. е. наслѣдственной передачей измѣненій, человѣкъ пользуется для того, чтобъ по своему желанію, такъ сказать, лѣпить органическія формы. Измѣнчивость доставляетъ ему необходимый матеріаль, наслѣдственность даетъ средство закрѣплять и накапливать этотъ матеріаль. Для этого онъ только тщательно, въ каждомъ поколѣніи, отбираетъ наиболѣе соотвѣтствующія его цѣлямъ существа и оставляетъ ихъ плодиться отдѣльно. Въ этомъ заключается весь не сложный пріемъ отбора, несложный по основной мысли, но требующій громадной наблюдательности и навыка для удачнаго осуществленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отборъ производится на большую ногу, какъ напр. въ садоводствѣ, весь процессъ ограничивается истребленіемъ менѣе удовлетворительныхъ существъ; тщательно выпалывая на своей грядѣ всѣ неудовлетворительные экземпляры, не позволяя имъ оставлять потомства, садоводъ не только сохраняетъ, но изъ года въ годъ совершенствуетъ свою породу, заставляя ее приближаться къ задуманному имъ идеалу.

Убѣдившись что вся тайна успѣха при выводѣ искусственныхъ породъ заключается въ этомъ процессѣ *отбора*, или браковки, Дарвинъ ставитъ вопросъ, не существуетъ ли въ природѣ отбора, безличнаго отбора, отбора безъ отбирающаго лица, безъ руководящей воли, какъ въ отборѣ человѣка, а исключительно подѣ влияніемъ извѣстныхъ намъ свойствъ организмовъ и среды.

Для того чтобъ скачекъ не показался слишкомъ рѣзкимъ, онъ напоминаетъ, что въ дѣлѣ усовершенствованія породъ животныхъ и растеній, человѣкъ только недавно является сознательнымъ дѣятелемъ; онъ поясняетъ, что систематиче-

скому, сознательному отбору предшествовалъ отборъ безсознательный, въ которомъ, по отношенію къ достигаемому результату, человѣкъ является совершенно безсознательной стихійной силой. Такъ и пр. дикари, въ голодные годы, бываютъ вынуждены сокращать число своихъ собакъ; очевидно они всегда истребляютъ менѣе удовлетворительныхъ животныхъ, и въ результатѣ оказывается улучшеніе породы, которое вовсе не имѣлось въ виду, такъ какъ дикарь, еслибъ могъ, сохранилъ бы и менѣе удовлетворительныхъ животныхъ.

Значить, вмѣсто того чтобы спрашивать, существуетъ ли въ природѣ безсознательный отборъ, мы можемъ сдѣлать болѣе простой, болѣе опредѣленный вопросъ—существуетъ ли въ природѣ уничтоженіе, истребленіе неудовлетворительныхъ существъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, Дарвинъ развѣртываетъ передъ нами картину истребленія, совершающуюся вокругъ насъ, ежедневно, ежеминутно, на каждомъ шагѣ, и въ такихъ размѣрахъ, передъ которыми невольно теряется мысль. Доказательство существованія такого процесса основывается на слѣдующихъ, неизбѣжныхъ, численныхъ данныхъ. Воспроизведеніе живыхъ существъ неизмѣнно связано съ ихъ размноженіемъ. Всякое растеніе, еслибъ оно существовало одно на землѣ, въ самый короткий срокъ должно было бы завладѣть всей доступной ему поверхностью земли. Еслибъ сохранилось все потомство одного одуванчика, т. е. вѣтеръ разнесъ бы всѣ его сѣмена, и каждое дало бы начало растенію, то десятому поколѣнію было бы тѣсно на землѣ. Еслибъ проросли всѣ сѣмена одного, обыкновеннаго въ нашихъ лѣсахъ растенія—Кукушкиныхъ слезокъ—то третье поколѣніе—внуки одного растенія покрыли бы всю землю сплошнымъ ковромъ. Въ одной каплѣ воды помѣщается 30,000,000 тѣхъ боктерій, о которыхъ въ послѣднее время приходится слышать такъ много страшнаго, и это населеніе удваивается каждые 20 минутъ. Даже человѣкъ, такъ медленно размножающійся, не представляетъ исключенія; еслибъ населеніе повсемѣстно увеличивалось бы, какъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, то, въ 2535 году, родъ человѣческій покрылъ бы всю землю, сушу и воду, сплошной толпой, примыкая плечомъ къ плечу.

Изъ этихъ цифръ можно сдѣлать одинъ выводъ. На каждый

сохраняющійся организмъ гибнуть милліоны; бѣольшая часть жизней гибнетъ въ состояніи возможности. Но кто же будетъ этотъ избранникъ? Какое обстоятельство рѣшить, кому изъ этихъ милліоновъ существъ слѣдуетъ жить, кому умереть? Очевидно между всѣми конкуррентами должна завязаться борьба или вѣрнѣе состязаніе—призомъ котораго будетъ жизнь. Но кто же произнесетъ этотъ приговоръ? Слѣпныя силы природы. И ихъ приговоръ будетъ справедливъ, именно потому, что онъ будетъ слѣпой, механической—не даромъ и самую идею провосудія мы себѣ представляемъ съ повязкой на глазахъ, съ вѣсами въ рукахъ. Исходъ этого состязанія, приговоръ природы, будетъ обуславливаться одними только достоинствами конкуррентовъ—побѣдителемъ выйдетъ тотъ—въ организаціи котораго окажется хотя бы одна ничтожная черта, дѣлающая его болѣе совершеннымъ, т. е. болѣе способнымъ къ жизни при данныхъ условіяхъ. И должно замѣтить, что одна побѣда, не рѣшаетъ исхода борьбы, можно сказать, что каждый организмъ, въ каждый моментъ своего существованія находится подъ давленіемъ всѣхъ остальныхъ организмовъ, готовыхъ у него оспаривать каждую пядь земли, каждый лучъ солнца, каждый клочъ пищи. Надъ каждымъ существомъ постоянно виситъ вопросъ „быть или не быть“ и сохраняетъ оно свое право на жизнь только подъ условіемъ—въ каждое мгновеніе своего существованія, быть совершеннѣе своихъ соперниковъ.

Итакъ, въ этомъ состязаніи, въ этой *борьбѣ за существованіе* рѣшающимъ обстоятельствомъ является собственное совершенство состязующихся, никакое другое условіе не мыслимо—значитъ результатомъ этого процесса будетъ неизбежное сохраненіе наиболѣе совершеннаго т. е. отборъ. Отборъ безъ отбирающаго лица, самодѣйствующій, слѣпой и безжалостный, работающій безъ усталости и перерыва въ теченіи несмѣтныхъ вѣковъ, отбирающій одинаково и крупныя внѣшнія особенности и самыя ничтожныя подробности внутренняго строенія—подъ однимъ только условіемъ, чтобы они были полезны для организма — естественный отборъ—вотъ причина совершенства органическаго міра;—время и смерть—вотъ регуляторы его гармоніи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, совершенно измѣняется ста-

рая телеологическая точка зрѣнія, по которой міръ существовалъ для человѣка. Съ точки зрѣнія ученія объ естественномъ отборѣ, всякая сколько нибудь приспособленная форма органа можетъ возникнуть лишь подъ условіемъ — быть полезной для ея обладателя, если же мы встрѣчаемъ явное приспособленіе одного существа къ потребностямъ другаго, тогда польза должна быть взаимная—таково напр., какъ увидимъ ниже, приспособленіе цвѣтовъ къ насѣкомымъ и насѣкомыхъ къ цвѣтамъ—польза этого приспособленія обоюдная. Дарвинъ дѣлаетъ вызовъ—указать ему хотя на одинъ органъ, приспособленный не для пользы его обладателя, а исключительно для другаго существа—и такого органа не нашлось въ природѣ. Гейне слѣдовательно былъ правъ иронически давая понять своему собесѣднику, что и быкъ и осель существуютъ не для него—а для себя самихъ. Сохраняя старое слово—цѣлесообразность, мы придаемъ ему новый смыслъ. Не въ виду, не въ ожиданіи пользы созидались всѣ эти совершенные органы и цѣлые организмы а сама польза создала ихъ. Въмѣсто предполагаемой цѣли мы имѣемъ дѣйствительную причину. Совершенство органическаго міра не есть возможная, гадательная цѣль, а неизбѣжный, роковой результатъ законовъ природы.

Попытаемся сдѣлать общую оцѣнку этого ученія во всей его совокупности, т. е. разумѣя подъ нимъ и родственную связь организмовъ и ихъ происхожденіе путемъ естественнаго отбора. Что говоритъ въ пользу этой теоріи?—все. Что говоритъ противъ нея?—ничего. Что можно ожидать отъ нея?—многого, и если двадцатилѣтнее прошлое можетъ служить ручательствомъ за будущее, то она конечно оправдать эти надежды. Если я говорю, что все свидѣтельствуетъ въ ея пользу, то потому, что едвали найдется какая нибудь отрасль біологіи, въ которую она не внесла бы новый свѣтъ и смыслъ. Если я говорю, что ничто не свидѣтельствуетъ противъ нея—то потому, что дѣйствительно до сихъ поръ не выставили ни одного общаго возраженія, которое не было бы предусмотрено Дарвиномъ въ его книгѣ или отражено въ послѣдующихъ изданіяхъ. Предъявлялись и спеціальныя возраженія или скорѣе сомнѣнія на счетъ приложимости ученія къ тому или другому частному случаю но и эти частныя

затрудненія устранялись, по мѣрѣ ихъ появленія. Разбирать всѣ эти возраженія и отвѣты на нихъ намъ рѣшительно невозможно, по недостатку времени. Ученію, обнимающему несмѣтное число фактовъ—весь органическій міръ, не смотря на страстное желаніе, не могли сдѣлать въ теченіи двадцати лѣтъ ни одного вѣскаго возраженія — развѣ это уже не ручательство за его вѣрность. Противники Дарвинизма, чувствуя свое безсиліе опровергнуть его, очень охотно бросаютъ въ глаза его защитникамъ упрекъ — это только *гипотеза*. Этотъ упрекъ особенно комиченъ въ устахъ людей, которые сами стоятъ на почвѣ гипотезы, произвольной, голословной гипотезы самостоятельнаго происхожденія видовъ. Допустимъ, что теорія Дарвина только гипотеза—но какое различіе между двумя гипотезами? Съ одной стороны гипотеза, обобщающая, согласующая факты изъ самыхъ разнородныхъ областей знанія, оправдавшаяся на безчисленныхъ случаяхъ и дозволившая предвидѣть другіе, гипотеза не нуждающаяся ни въ какихъ произвольныхъ посылкахъ, опирающаяся на двухъ, трехъ общеизвѣстныхъ законахъ природы—гипотеза, не только удовлетворяющая идеальнымъ стремленіямъ человѣка объяснять явленія, но сдѣлавшаяся, по справедливому замѣчанію Аза Грея, новой рабочей силой, въ высшей степеніи плодотворной, побуждающей къ свѣжей дѣятельности и открывшей новыя области для изслѣдованія. Съ другой стороны гипотеза о самостоятельности видовъ, основанная на совершенно произвольной, бездоказательной посылкѣ, ничего не объясняющая а напротивъ становящаяся на пути всякаго объясненія, вносящая всюду мракъ и недоумѣніе, тормозящая всякій успѣхъ, отнимающая всякую энергію у изслѣдователя, предваряя его, что онъ можетъ открывать новыя факты, но все же не пойметъ того, что откроетъ.

Но ученіе Дарвина не есть только гипотеза, въ смыслѣ простой догадки — это необходимый, логически обязательный выводъ изъ нѣсколькихъ фактовъ, выводъ, отъ котораго нельзя уклониться. Пусть опровергнуть существованіе измѣчивости, наследственности и быстрой прогрессіи размноженія, пусть опровергнуть свидѣтельство геологін о несмѣтномъ рядѣ вѣковъ, истекшихъ со времени появленія жизни на нашей планетѣ—а до тѣхъ поръ ученіе объ *естественномъ отборѣ*

является логически неизбѣжнымъ выводомъ. Мы не въ состояніи еще доказать, какъ велики могли быть его результаты—но сомнѣваться въ томъ, что этотъ процессъ существуетъ въ природѣ, рѣшительно не возможно.

„Естественный отборъ“, говоритъ извѣстный Дюбуа-Реймонъ, не есть какое нибудь эмпирическое правило, которое завтра можетъ оказаться несостоятельнымъ. Правда, мы еще не можемъ признать за нимъ непогрѣшимость одного изъ тѣхъ физико-математическихъ законовъ, которые управляютъ матеріальнымъ міромъ. Но тѣмъ не менѣе, вытекаая изъ цѣлой цѣпи умозаключеній, онъ является обязательнымъ для нашего ума выводомъ, занимающимъ положеніе среднее между правиломъ и естественнымъ закономъ и ближе къ послѣднему“.

При оцѣнкѣ всякаго ученія мы необходимо можемъ о немъ судить лишь на основаніи нашихъ настоящихъ свѣдѣній. Будущее для насъ темно. Быть можетъ, со временемъ возникнетъ новое ученіе, которое разовьетъ и видоизмѣнитъ теорію отбора—объ этомъ бесполезно гадать—одно только не подлежитъ сомнѣнію, что разсчеты съ прошлымъ покончены. Если научная борьба еще длится, то исходъ ея уже давно выяснился и въ исторіи науки мало найдется примѣровъ такой рѣшительной и блестящей побѣды.

„Это былъ взрывъ, говоритъ тотъ же Дюбуа Реймонъ, „какого еще невидывала наука; такъ долго подготовлявшійся и такъ внезапно нагрянувшій; такъ неслышно подведенный и такъ смертоносно разящій. По размѣрамъ и значенію произведеннаго разрушенія, по тому эхо, которое отозвалось въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ человѣческой мысли, это былъ научный подвигъ, не имѣющій себѣ подобнаго. Въ сферахъ чистой науки уже успѣли очнуться отъ перваго впечатлѣнія. Столбнякъ уступилъ мѣсто спокойному обсужденію. Новое поколѣніе, подростшее среди этой борьбы, со свѣжими силами становится во главѣ движенія. Правда еще раздаются вопли нѣсколькихъ одинокихъ чудаковъ, но наука, не обращая на нихъ вниманія, переходитъ къ очереднымъ занятіямъ и теперь всѣми сторонами признано, что теорія самостоятельности видовъ, защищаемая Кювье и Агассисомъ должна уступить мѣсто ученію Дарвина“.

Я только что успѣлъ сказать, что мы не въ состояніи разбирать здѣсь возраженія предъявляемыя противъ теоріи Дарвина и отвѣчать на нихъ; но есть одно общее возраженіе или скорѣе обвиненіе, которое нельзя обойти молчаніемъ, на которое нужно отвѣчать именно здѣсь. Это—старое, вѣчное обвиненіе, которое слышали и Сократы и Галлилеи и Ньютоны — слышали всѣ, кто имѣлъ несчастье или высшее счастье вывести мысль изъ однажды проторенной колеи на новый широкій путь развитія. Это обвиненіе въ безнравственности. Это обвиненіе можно услышать въ устахъ любого болтуна, знающаго теорію лишь по названію, но, что больно и обидно, то же обвиненіе можно слышать въ устахъ людей, которые по силѣ своего таланта, по чистотѣ своихъ побужденій призваны быть учителями своего общества, своего народа.

Все это ваше ученіе о борьбѣ за существованіе восклицаютъ искренно или притворно негодующіе обличители,—что же это, какъ не преклоненіе передъ грубой силой; это—сила попирающая право, кулакъ, торжествующій надъ мыслью, это человѣческія чувства, отданныя въ жертву животнымъ инстинктамъ, это, наконецъ оправданіе, апофеозъ всякаго зла и насилія. Но я боюсь, Милостивыя Государыни и Государи, что я недостаточно краснорѣчивъ въ этой роли обвинителя и потому попрошу у Васъ позволенія продолжать собственными словами одного изъ этихъ негодующихъ моралистовъ. „Разумомъ что ли я дошелъ до того, что надо любить ближняго, а не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и закопъ, требующій того, чтобъ душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другаго не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно“ *). Излишне пояснять, что это говоритъ намъ коротко знакомый Левинъ. Должно сознаться, что вопросъ поставленъ ясно: ученіе о борьбѣ за существованіе, распространенное на человѣка, противорѣчитъ нрав-

*) *Анна Каренина* ч. 8. стр. 78.

ственному принципу любви. Чувство, совѣсть громко говорятъ — *люби ближняго*, разумъ, наука нашептываютъ *души его*, — Можно ли на минуту колебаться въ выборѣ? Выводъ можетъ быть одинъ — *во имя нравственности, долой науку*.

Но М. Г.г. именно эта ясность, эта категоричность въ постановкѣ вопроса облегчаютъ защиту. Въмѣсто того, чтобъ оправдываться, защищаться, приходится задать одинъ вопросъ самому обвинителю — вопросъ, сознаюсь, крайне не вѣжливый, въ благовоспитанномъ обществѣ даже не терпимый, но, къ сожалѣнію, неизбѣжный почти всегда, когда приходится имѣть дѣло съ противниками и обличителямъ Дарвина — это вопросъ: читали ли вы эту книгу, которую такъ краснорѣчиво обличаете? И не дожидаясь отвѣта, можно отвѣтить — нѣтъ не читали. Потому что еслибъ читали то знали бы, что въ этой книгѣ *) находится III-ья глава, которая исключительно посвящена нравственному чувству, чувству любви къ ближнему, тому чувству нравственнаго долга, который заставляетъ насъ жертвовать собою ради ближняго или ради идеи. Вы бы знали, что въ этой книгѣ есть еще V глава, въ которой разбирается происхожденіе этого нравственнаго чувства; вы бы наконецъ знали, что борьба за существованіе въ примѣненіи къ человѣческому роду не значитъ ненависть и истребленіе, а напротивъ любовь и сохраненіе.

Вотъ что узналъ бы Левинъ — еслибъ далъ себѣ трудъ взглянуть въ эту книгу; узналъ бы и многое другое; узналъ бы, между прочимъ, почему это ему сказали въ дѣтствѣ именно то, что уже было у него въ душѣ — узналъ бы, что это ученіе даетъ намъ, быть можетъ, единственное объясненіе для такъ называемыхъ прирожденныхъ идей.

А такъ какъ онъ этого ничего не знаетъ, то очевидно борется противъ врага, созданнаго его собственнымъ воображеніемъ, по наслышкѣ, на лету, подхвативъ одно слово „борьба“.

Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, объясняетъ Дарвинъ, что это начало борьбы становится, въ приложеніи къ человѣку, началомъ способствующимъ, а не препятствующимъ развитію

*) Происхожденіе человѣка.

нравственнаго чувства любви къ ближнему. Очень просто. Человѣкъ, говоритъ онъ, прежде всего существо социальное, стремящееся жить обществомъ и эти-то социальные инстинкты, это чувство общности, становятся исходной точкой нравственности.

Въ примѣненіи къ человѣку (отчасти и къ нѣкоторымъ животнымъ, имѣющимъ социальные инстинкты) борьба за существовавшіе не ограничивается борьбой между недѣлимыми, къ ней присоединяется еще борьба или состязаніе между коллективными единицами,—между семьями, между племенами, расами, а въ этой борьбѣ, или вѣрнѣе состязаніи, успѣхъ на столько же зависитъ отъ матеріальной силы и умственнаго превосходства, по отношенію къ врагамъ, какъ и отъ нравственныхъ качествъ, по отношенію къ своимъ.

Пояснимъ примѣромъ. Представимъ себѣ напр. два племени: одно, обладающее превосходствомъ въ отношеніи физической силы, но вовсе не обладающее материнскими инстинктами—и рядомъ другое, въ физическомъ отношеніи болѣе слабое, но въ которомъ сильно развиты инстинкты матери, *забота* о дѣтяхъ. Если первое и будетъ одолѣвать послѣднее племя въ частныхъ случаяхъ прямой борьбы то конечный результатъ естественнаго отбора несомнѣнно будетъ въ пользу втораго. Любовь матери, это самое идеальное изъ чувствъ, есть въ то же время самое могучее оружіе которымъ слабый, незащитный человѣкъ долженъ былъ бороться противъ своихъ сильныхъ соперниковъ, не въпрямой, а въ болѣе важной, косвенной борьбѣ за существованіе. Итакъ, нравственные качества недѣлимыхъ несомнѣнно полезны для коллективныхъ единицъ. Общество эгоистовъ никогда не выдержитъ борьбы съ обществомъ, руководящимся чувствомъ нравственнаго долга. Это нравственное чувство является даже прямой матеріальной силой въ открытой, физической борьбѣ. Казалось бы, что человѣкъ, не стѣсняющійся никакимъ мягкими чувствами, дающій просторъ своимъ звѣрскимъ инстинктамъ долженъ всегда одолѣвать въ открытой борьбѣ—и однако на дѣлѣ выходитъ далеко не такъ. „Превосходство дисциплинированныхъ армій, справедливо замѣчаетъ Дарвинъ, надъ дикими ордами заключается главнымъ образомъ въ томъ нравственномъ довѣріи, которое каждый солдатъ имѣетъ къ своимъ товарищамъ.“

Моралисты обыкновенно не любят, когда о нравственности, о добродѣтели говорятъ съ утилитарной точки зрѣнія; они видятъ въ этомъ какое-то оскорбленіе—а между тѣмъ сами, когда желаютъ доказать ея необходимость, приводятъ тѣ же утилитарные доводы. Спросите ихъ, на что нужна нравственность—вотъ Левина не нужно даже и спрашивать, онъ самъ за нѣсколько строчекъ до приведеннаго мѣста даетъ намъ отвѣтъ: еслибъ я не имѣлъ этихъ вѣрованій—*я бы грабилъ, малъ, убивалъ*. Значитъ нравственность препятствуетъ вамъ наносить вредъ обществу—значитъ нравственность, какого бы она не была происхожденія, прямо полезна—а все полезное, будетъ ли то матеріальная особенность строснія или идеальное чувство—подлежитъ естественному отбору, т. е. сохранится и будетъ совершенствоваться.

Слѣдовательно, по мнѣнію Дарвина, нравственное чувство беретъ начало въ соціальныхъ инстинктахъ человѣка. Прежде всего выработалась попятіе долга по отношенію къ ближнему и затѣмъ уже по отношенію къ самому себѣ и высшему нравственному идеалу. Тотъ нравственный разладъ, на который такъ любятъ указывать моралисты, та внутренняя борьба между матеріальными аппетитами и чувствомъ долга—только остатокъ борьбы между эгоистическими инстинктами ветхаго человѣка съ его исключительно индивидуальными стремленіями—и соціальными инстинктами человѣка, созданнаго обществомъ и для общества. И развилось это чувство, по мнѣнію Дарвина, изъ самаго святаго, самаго древняго чувства—чувства матери, расширяясь постепенно на всю семью, на племя, расу, чтобъ, въ идеальной формѣ, объять все человѣчество. Современный дикарь цѣнитъ правдивость, честность—но только по отношенію къ своимъ; обмануть врага считается добродѣтелью. Да и мы Европейцы, замѣчаетъ Дарвинъ, точно ли мы всегда цѣнимъ правдивость ради правдивости—точно ли и у насъ нѣтъ двухъ мѣрокъ для своихъ и для чужихъ—если вы въ этомъ сомнѣваетесь, говоритъ онъ—посмотрите на дипломатовъ

Къ сожалѣнію М. Г. и Г. недостатокъ времени вынуждаетъ меня говорить почти общими мѣстами, и этимъ отступать отъ самаго духа этого ученія, которое никогда, ни на минуту, не покидаетъ фактической почвы, которое и эти идеи подкрѣпляетъ массой фактовъ. Но я все же надѣюсь, мнѣ

удалось васъ убѣдить, что Дарвинъ, не проповѣдуетъ людоедства, какъ въ томъ желали бы увѣрить его нравственные противники. Напротивъ того, признавая въ нравственномъ началѣ, въ любви къ ближнему, высшій атрибутъ человѣка онъ только старается доказать, что это начало полезно и потому необходимымъ, роковымъ образомъ должно побуждать начало эгоизма—онъ только старается доказать необходимость нравственности, съ очевидностью какой нибудь механической истины.

Итакъ, моралистамъ, подобнымъ Левину, мы отвѣчаемъ: прежде всего познакомьтесь съ этимъ ученіемъ, въ которое бросаете камнемъ, а затѣмъ чистосердечно, положивъ руку на сердце, отвѣчайте: что нравственнѣе: утверждать ли, что ближняго любить можно, хотя это не разумно, или утверждать, что ближняго любить должно потому именно, что это разумно? Что нравственнѣе: утверждать ли, что голосъ совѣсти противорѣчитъ голосу разсудка или принимать, что совѣсть—только безличный разумъ, безчисленныхъ поколѣній, предшествовавшихъ намъ на пути развитія?—Что однимъ словомъ, нравственнѣе—голословно ли утверждать, что нравственность противна разуму — или пытаться доказать, какъ это дѣлаетъ Дарвинъ, что нравственность есть только высшій разумъ?

Желая принести науку въ жертву своей условной нравственности, вы оказываете ей плохую услугу—вы клевете на науку, но еще болѣе клевете на свою нравственность.

Отъ ученія переходимъ къ ученому; посмотримъ въ какомъ отношеніи находится ученіе къ самой личности автора, какимъ качествамъ лица обязано оно своимъ успѣхомъ?

Преже всего—тому неуловимому, неподдающемуся анализу, свойству, которое, за неимѣніемъ болѣе точнаго опредѣленія, мы называемъ гениальностью. Въ области естествознанія всякая дѣйствительно плодотворная научная мысль, мысль, раскрывающая наукѣ новые горизонты, представляетъ три момента, три фазы развитія, почти соотвѣтствующія тѣмъ тремъ фазамъ развитія, чрезъ которыя, по мнѣнію положительной философіи прошла вообще человѣческая мысль. Это,

вопервыхъ, фаза угадыванія истины—фаза творчества; за ней слѣдуетъ фаза логическаго развитія этой творческой мысли во всѣхъ ея послѣдствіяхъ и наконецъ третья фаза—провѣрки этихъ выводовъ путемъ наблюденія или опыта—фаза собственно научнаго изслѣдованія.

Эта первая фаза—фаза творчества и составляетъ главную особенность генія—все равно выразится ли это творчество въ научной гипотезѣ, философской системѣ, или поэтическомъ произведеніи—все равно называется ли этотъ геній Шекспиромъ, Спинозой, или Ньютономъ. Но между тѣмъ какъ мысль поэта проходитъ только одну стадію, мысль философа двѣ—мысль ученаго необходимо должна пройти всѣ три. Творчество поэта, діалектика философа, искусство изслѣдователя, вотъ матеріалы изъ которыхъ, слагается великій ученый.

Толпа любитъ разоблачать этотъ процессъ научнаго творчества, она думаетъ, что можетъ захватить генія врасплохъ, въ самомъ процессѣ творчества и объяснить его какой нибудь внѣшней, механической случайностью. Она любитъ въ Пизанскомъ соборѣ паникадилломъ, открывшимъ Галилею основные законы механики; она пересказываетъ анекдотъ о яблокѣ, открывшемъ Ньютону законъ тяготѣнія; къ этимъ легендарнымъ паникадиламъ и яблокамъ, современемъ, вѣроятно, присоединится еще какое нибудь стойло, открывшее Дарвину законъ естественнаго отбора. Все это можетъ быть и вѣрно; но вѣрно и то, что яблоко падало и до Ньютона, садоводы и скотоводы выводили свои породы и до Дарвина—но только въ мозгу Ньютона, только въ мозгу Дарвина совершился тотъ смѣлый, тотъ безумный скачекъ мысли, перескакивающей отъ падающаго тѣла къ несущейся въ пространствѣ планетѣ, отъ эмпирическихъ приѣмовъ скотовода—къ законамъ, управляющимъ всѣмъ органическимъ міромъ. Эта способность угадывать, схватывать аналогіи, ускользающія отъ обыкновенныхъ умовъ—и составляетъ удѣлъ генія. Но если и поэтическое творчество, конечно, основывается на обширномъ запасѣ наблюдений,—то это несомнѣнно по отношенію къ творчеству научному. Изобрѣтенію научной гипотезы необходимо должно предшествовать возможно полное знаніе тѣхъ фактовъ, которые она должна объяснить. Но именно это сочетаніе двухъ условій—творчества и обширнаго запаса свѣдѣній въ одномъ

лицъ и составляетъ рѣдкое явленіе. Съ одной стороны, можно встрѣтить ученыхъ, обладающихъ громаднымъ запасомъ свѣдѣній, обладающихъ аналитической способностью изучать частныя явленія и обогащать этимъ матеріаломъ науку, но неспособныхъ къ синтетической работѣ мысли—не способныхъ связывать, обобщать этотъ сырой матеріалъ. Съ другой стороны, можно встрѣтить умы, которые, тяготясь разработкой частныхъ, пытаются истолковать природу путемъ смѣлыхъ догадокъ, построенныхъ на очень тѣсномъ и шаткомъ фундаментѣ—забывая, что достоинство этого синтетическаго труда находится въ прямой зависимости отъ качества, предшествовавшаго ему, труда аналитическаго. Но что еще страннѣе, бывають случаи, что обѣ эти дѣятельности, совмѣщаясь въ одномъ лицѣ, тянутся, не сливаясь, какъ бы двѣ самостоятельныя струи: въ своей аналитической дѣятельности, ученый стоитъ на строгой почвѣ факта—въ области обобщеній, довольствуется смѣлыми сравненіями, отдаленными аналогіями; принимая возможное за вѣроятное, вѣроятное за истинное, онъ все выше и выше возводитъ свое зданіе—на песокъ. Примѣромъ подобной личности былъ отчасти Ламаркъ; строгій ученый въ области специальныхъ изслѣдованій—въ области гипотезъ онъ былъ не рѣдко мечтателемъ; онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что наука—дѣтя своего времени, что забѣгать впередъ, дополнять отсутствующіе факты умозрѣніями и догадками, невозможно. Этимъ объясняется его неудача. Блестящія, вполне вѣрныя мысли раздѣлили общую участь съ его увлеченіями, онъ не устояли противъ холодной критики Кювье.

Злоупотребленіе умозрѣніемъ, неправильное отношеніе къ ролю гипотезы въ наукѣ, вызвали въ біологическихъ наукахъ понятную реакцію; явилось возрѣніе, что настоящее назначеніе науки заключается въ разработкѣ частныхъ. Явились цѣлыя полчища специалистовъ, различныхъ *-истовъ* и *логовъ*, размежевавшихъ природу на мелкія участки и не желавшихъ знать, что творится за предѣлами ихъ узкой полосы. Смѣшивая осторожность—съ ограниченностью, трезвость и строгость мысли—съ отсутствіемъ всякой мысли, эти пигмеи самодовольно провозглашали, что нашъ вѣкъ, не вѣкъ великихъ задачъ, а всякаго, пытавшагося подняться надъ общимъ уровнемъ, оки-

нуть взоромъ болѣе широкій горизонтъ, величали мечтателемъ и фантазеромъ.

Такого-то мечтателя, созидающаго міръ изъ глубины своего сознанія, полагали они встрѣтить въ Дарвинѣ, при первомъ слухѣ о его ученіи, и жестоко ошиблись. Передъ ними былъ не мечтатель, даже не кабинетный ученый, знакомый съ природой изъ книгъ и музеевъ—передъ ними былъ чловѣкъ, выдавшій природу лицомъ къ лицу. Зоологъ, геологъ, ботаникъ, совмѣщавшій въ себѣ почти всѣ современныя біологическія знанія, онъ изучалъ эту природу и въ дѣйственныхъ лѣсахъ Бразиліи, и въ сосѣднемъ огородѣ, и въ водахъ великаго океана, и у себя на голубятнѣ. Онъ могъ сказать всѣмъ этимъ спеціалистамъ, заподозрившимъ его въ неосновательности, въ поспѣшности, что не менѣе ихъ потрудился на поприщѣ спеціальныхъ изслѣдованій — только у него всѣ эти изслѣдованія клонились къ одной общей цѣли. Въ немъ никогда не было разлада между аналитической и синтетической дѣятельностью; обѣ онѣ составляли одно цѣлое, одна служила необходимымъ дополненіемъ и продолженіемъ другой. Весь этотъ громадный матеріалъ — результатъ цѣлой жизни, былъ подчиненъ одной идеи, которую можно было развить въ 6 положеніяхъ, на двухъ страничкахъ. Едва ли въ исторіи наукъ можно найти второй примѣръ дѣятельности, представляющей столько разнообразія въ частностяхъ при такомъ единствѣ общаго замысла.

И такъ, на первой стадіи развитія своего труда, Дарвинъ представляется намъ творцемъ геніальной мысли, опирающейся на колоссальный запасъ фактовъ.

Переходимъ ко второй стадіи. Еще мало напасть на счастливую мысль—нужно ее развить. На этой стадіи, натуралистъ наиболѣе нуждается въ томъ качествѣ, которое особенно характеризуетъ дѣятельность философовъ и математиковъ—въ способности выслѣдить мысль во всѣхъ ея изгибахъ, усмотрѣть до малѣйшихъ подробностей послѣдствія, вытекающія изъ общаго положенія, предупредить всѣ возможныя противорѣчія. И въ этомъ отношеніи, трудъ Дарвина представляется рѣдко достигаемымъ образцомъ. Мы уже говорили что ему не было предъявлено ни одного вѣскаго, общаго возраженія. Въ развитіи своей идеи никогда не покидаетъ онъ фактиче-

ской почвы, никогда (кромѣ одного случая, который онъ зато и обставилъ всевозможными оговорками) не застанете его на чисто умозрительныхъ, отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Никогда не увлекается онъ вопросами, неразрѣшимыми при современномъ состояніи науки—таково напримѣръ его отношеніе къ вопросу о самопроизвольномъ зарожденіи и первоначальномъ появленіи организмовъ; какъ не старались его вовлечь въ обсужденіе этого вопроса, высказывая въ печати предположенія о томъ, каковы должны быть его мнѣнія—онъ упорно хранилъ молчаніе. И нельзя не замѣтить своеобразности его способа аргументаціи; непривычному читателю кажется что сочиненіе имѣетъ чисто описательный характеръ; вамъ кажется, что онъ все что то рассказываетъ и только когда въ концѣ главы или книги, въ нѣсколькихъ мастерскихъ чертахъ, онъ подводитъ итогъ, вы убѣждаетесь что его цѣль достигнута, что остается только сдаться передъ очевидностью его доводовъ. Слѣдовательно и по отношенію къ этой, второй фазѣ развитія научной мысли, приходишь къ заключенію, что едва ли когда ученому представлялась такая сложная по своимъ послѣдствіямъ логическая задача, задача обнимающая цѣлый циклъ наукъ — начиная геологіей и кончая психологіей, и едва ли когда всѣ логическія послѣдствія такой сложной мысли были выслѣжены, почти истощены, въ такомъ совершенствѣ.

Переходимъ къ третьей и послѣдней фазѣ—къ фактической провѣркѣ приобрѣтенныхъ выводовъ. Здѣсь, какъ въ выборѣ предмета такъ и въ его обработкѣ, открывается просторъ для примѣненія способностей собственно ученаго, здѣсь обнаруживается искусство изслѣдователя. Какъ почти вся дѣятельность, предшествовавшая появленію его книги „О происхожденіи видовъ“ была подготовленіемъ къ ней, такъ вся послѣдующая дѣятельность, до настоящей минуты, была ея разъясненіемъ и подтвержденіемъ. Каждый два, три года появлялось по одному или по два, знакомыхъ каждому натуралисту, зеленыхъ томика, заключавшихъ или развитіе положеній, находящихся въ его книгѣ или ихъ примѣненіе къ какому нибудь частному случаю. При выборѣ этихъ частныхъ случаевъ, онъ умышленно останавливался на самыхъ сложныхъ вопросахъ, на изученіи тѣхъ поразительно приспособленныхъ органовъ, которые своей необъяснимой,

чудесной цѣлесообразностью отталкивали прежнихъ изслѣдователей—и каждый разъ успѣвалъ показать, что эти явленія объяснимы съ его точки зрѣнія.

Такъ, въ одномъ сочиненіи онъ описываетъ поразительныя приспособленія въ формѣ цвѣтковъ Орхидей, которыя способствуютъ ихъ опыленію при помощи насѣкомыхъ, перелетающихъ съ цвѣтка къ цвѣтку. Въ другомъ сочиненіи описаны, клонящіяся къ той же цѣли, приспособленія у множества другихъ растений. Эти изслѣдованія, открыли новое обширное поле дѣятельности для ботаниковъ и вопросъ этотъ уже имѣетъ богатую литературу.

Но существованіе этихъ сложныхъ приспособленій, существованіе этой гармоніи между организаціей существъ, относящихся къ различнымъ царствамъ природы, можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія теоріи естественнаго отбора только въ такомъ случаѣ если допустить взаимную пользу этого явленія. Для насѣкомыхъ эта польза очевидна, они посѣщаютъ цвѣты для того чтобъ питаться ихъ медомъ. Но какая же польза растенію отъ этихъ посѣщеній. Относительно Орхидныхъ, объясненіе было бы еще просто; большая часть изъ нихъ, безъ содѣйствія насѣкомыхъ, вовсе не могла бы оплодотворяться; относительно остальныхъ приходится допустить, что для растенія вообще полезно чтобъ оно оплодотворялось не своей, а чужею пылью—и вотъ Дарвинъ предпринимаетъ цѣлый рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій, иногда тянувшихся цѣлыя десять лѣтъ и составляющихъ содержаніе третьей книги. Въ результатѣ оказывается подтвержденіе, по отношенію къ растенію, закона о вредѣ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства и слѣдовательно о пользѣ перекрестнаго опыленія. Такимъ образомъ эти три тома составляютъ цѣлую, всесторонне обработанную научную доктрину, бросающую новый свѣтъ на темное явленіе полового размноженія и разъясняющее значеніе частей цвѣтка, его формы, развитія, цвѣта и запаха, а все вмѣстѣ—является доказательствомъ справедливости той теоріи, которая послужила ключемъ для этого объясненія.

Такой же результатъ получился и по отношенію къ насѣкомояднымъ растеніямъ. Фактъ, что листья нѣкоторыхъ растений обладаютъ раздражительностью, такъ что захлопываются

отъ прикосновенія насѣкомыхъ, былъ давно извѣстенъ,—но ученые не хотѣли вѣрить, что растеніе можетъ питаться пойманными насѣкомыми, это казалось имъ слишкомъ чудесно-цѣлесообразнымъ. Но съ точки зрѣнія естественнаго отбора, такое сложное приспособленіе могло возникнуть только въ силу полезности этого процесса, какъ питанія. Дарвинъ предпринимаетъ изслѣдованіе и раскрываетъ цѣлый рядъ поразительныхъ фактовъ, поставившихъ ученіе о плотоядности растеній внѣ сомнѣнія и показавшихъ, что это явленіе далеко не такъ рѣдко какъ полагали.

Вьющіяся растенія доставляютъ ему третій примѣръ, подкрѣпляющій его теорію.

Наконецъ онъ не остановился и передъ самой трудной задачей—примѣненія своего ученія къ вопросу о происхожденіи человѣка, его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ свойствъ и успѣлъ въ этомъ, на сколько ему позволила сложность задачи и скудность фактическихъ данныхъ.

Подводя итогъ всей научной дѣятельности Дарвина, прежде всего встрѣчаемся съ поразительнымъ явленіемъ: цѣлой, 70 лѣтней жизни, посвященной развитію одного ученія, а переходя къ оцѣнкѣ самого ученія мы должны признать въ ученомъ, творца геніальной гипотезы, обладающаго неотразимой логикой и талантомъ изслѣдователя, двумя качествами, дозволившими ему выслѣдить и провѣрить новыми фактами справедливость этой гипотезы и такимъ образомъ превратить ее въ почти несомнѣнную научную теорію. Однимъ словомъ, мы должны признать въ немъ, рѣдкое, гармоническое сочетаніе тѣхъ трехъ основныхъ качествъ, которыя образуютъ идеальный типъ ученаго.

Немаловажнымъ элементомъ успѣха его ученія было и мастерское, сжатое изложеніе его знаменитой книги, написанной притомъ языкомъ доступнымъ всякому образованному человѣку, привыкшему къ серіозному чтенію. Ученіе, охватывающее весь органическій міръ, требующее томовъ оправдательныхъ документовъ, затрогивающее самые запутанные вопросы естествознанія, сконденсировано въ одномъ небольшомъ томикѣ, въ одной заключительной главѣ, въ одной послѣдней страничкѣ. Мадамъ Де Севиньё оканчиваетъ одно изъ своихъ писемъ остроумнымъ парадоксомъ “ извините,

что написала вамъ такое длинное письмо, но у меня рѣшительно не было времени написать болѣе короткое“. Когда двадцать лѣтъ обдумываешь свои мысли, тогда имѣешь время изложить ихъ въ сжатой и ясной формѣ.

Но не однимъ умственнымъ качествамъ Дарвина слѣдуетъ приписать успѣхъ его научной дѣятельности. Надо всѣми этими качествами, господствуетъ въ немъ одно общее, нравственное качество, признаваемое за нимъ даже врагами, это—его научная добросовѣстность, его правдивость. Рѣдкій ученый умѣлъ такъ вполне отрѣшиться отъ всякаго личнаго чувства, по отношенію къ защищаемой идеѣ. Рѣдкій ученый встрѣчалъ съ такою готовностію, съ такимъ удовольствіемъ, всякое возраженіе, взвѣшивалъ и обсуждалъ его, хотя бы оно шло изъ такого скромнаго источника, къ которому иной второстепенный ученый отнесся бы только съ презрительнымъ высокомеріемъ. Никогда не прибѣгалъ онъ къ какимъ нибудь полемическимъ приемамъ, имѣющимъ цѣлью маскировать слабый доводъ, напротивъ, находя доводъ слабымъ, онъ самъ первый обращалъ на это вниманіе. Строгий судья своихъ идей, онъ никогда не унижался до роли ихъ адвоката. На каждомъ шагу можно убѣдиться, что и чужое возраженіе и свой доводъ онъ цѣнитъ лишь на столько, на сколько они касаются дѣла, не обращая вниманія на то, задѣваютъ ли они или защищаютъ его авторитетъ. Личная слава для него будто не существуетъ, онъ дорожитъ только торжествомъ своей идеи—и даже нельзя сказать *своей* идеи—а просто идеи, потому что онъ безкорыстно готовъ былъ уступить другому право на эту идею—плодъ двадцатилѣтнихъ трудовъ и размышленій. Доказательствомъ тому, служатъ обстоятельства, при которыхъ появилась его первая записка, заключающая общія положенія его ученія. Въ томъ же засѣданіи Линнесвскаго общества, о которомъ я упомянулъ, была представлена самимъ Дарвиномъ записка его знакомаго Уоллеса о томъ же предметѣ и еслибъ не вмѣшательство Лайеля и Гукера, настоявшихъ чтобъ въ томъ же засѣданіи была прочтена записка Дарвина, идеи котораго

имъ были извѣстны уже почти двадцать лѣтъ, то право первенства осталось бы за Уоллесомъ. Въ этомъ замѣчательномъ самообладаніи, въ этомъ полномъ отрѣшеніи отъ своей личности, должно видѣть главную причину, почему онъ никогда не былъ ослѣпленъ, всегда ясно видѣлъ гдѣ истина и совершенно избѣгъ увлеченій.

Если ко всему, что мы успѣли узнать о дѣятельности Дарвина, прибавить, что съ самого своего возвращенія изъ кругосвѣтнаго плаванія и до настоящей минуты онъ никогда не пользовался полнымъ здоровіемъ, то получаешь еще болѣе высокое понятіе о тѣхъ нравственныхъ силахъ, которыя поддерживали его въ его неутомимой дѣятельности. Словомъ, съ какой стороны не пытаешься оцѣнить этого человѣка, проникаешься невольнымъ къ нему удивленіемъ, но это чувство еще болѣе возрастаетъ когда испытаетъ непосредственное обаяніе этой, столько же симпатичной, сколько геніальной личности. Когда попадешь въ Даунъ, когда переступишь порогъ этого небольшого кабинета, въ которомъ ежедневно вотъ уже полъ-вѣка работаетъ этотъ могучій умъ, когда подумаешь, что черезъ минуту очутишься въ присутствіи человѣка, котораго потомство поставитъ на ряду съ Аристотелями и Ньютонами, невольно ощущаешь понятную робость, но это чувство исчезаетъ безъ слѣда при первомъ появленіи, при первыхъ звукахъ голоса Чарльза Дарвина. Ни одинъ изъ извѣстныхъ его портретовъ не даетъ вѣрнаго понятія о его внѣшности; густыя, щеткой торчащія брови совершенно скрываютъ на нихъ привѣтливый взглядъ этихъ глубоко впалыхъ глазъ, а главное, всѣ портреты, въ особенности прежніе, безъ бороды, производятъ впечатлѣніе коренастаго толстяка, довольно буржуазнаго вида, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности высокая, величаво спокойная фигура Дарвина, съ его бѣлой бородой, невольно напоминаетъ изображенія вѣтхозавѣтныхъ патріарховъ или древнихъ мудрецовъ. Тихій, мягкій, старчески ласковый голосъ довершаетъ впечатлѣніе; вы совершенно забываете, что еще за минуту васъ интересовалъ только великій ученый, вамъ кажется что передъ вами дорогой вамъ старикъ, котораго вы давно привыкли любить и уважать какъ человѣка, какъ нравственную личность. Во всемъ, что онъ говорилъ не было

слѣда той узкой односторонности, той неуловимой, цеховой исключительности, которая еще недавно считалась необходимымъ атрибутомъ глубокаго ученаго, но въ то же время не было и той ложно щекотливой гордости, не рѣдкой даже между замѣчательными учеными, умышленно избѣгающими разговора о предметахъ своихъ занятій, чтобъ не подумали что весь интересъ ихъ личности исключительно сосредоточенъ на ихъ спеціальной дѣятельности. Въ его разговорѣ, серіозныя мысли чередовались съ веселой шуткой; онъ поражалъ знаніемъ и вѣрностью взгляда въ областяхъ науки, которыми самъ никогда не занимался; съ мѣткой, но всегда безобидной, ироніей характеризовалъ онъ дѣятельность нѣкоторыхъ ученыхъ, высказывалъ очень вѣрныя мысли о Россіи, по поводу книги Макензи-Уоллеса, которую въ то время читалъ, указывалъ на хорошія качества русскаго народа и пророчилъ ему свѣтлую будущность. Но всего болѣе поражалъ его тонъ, когда онъ говорилъ о собственныхъ изслѣдованіяхъ—это не былъ тонъ авторитета, законодателя научной мысли, которой не можетъ не сознавать, что каждое его слово ловится на лету; это былъ тонъ человѣка, который скромно, почти робко, какъ бы постоянно оправдываясь, отстаиваетъ свою идѣю, добросовѣстно взвѣшиваетъ самыя мелкія возраженія, являющіяся изъ далеко не авторитетныхъ источниковъ. Въ то время онъ производилъ опыты надъ кормленіемъ росянки мясомъ, опыты, вызванные сдѣланными ему возраженіями—что онъ не доказалъ, экспериментальнымъ путемъ, пользы этого процесса для растенія. Разговорившись объ этомъ, онъ повелъ меня въ оранжерею, чтобъ я могъ быть свидѣтелемъ что онъ „кажется не ошибается въ своихъ выводахъ“. Нечего и говорить, что появившаяся недавно работа вполне подтвердила всѣ его ожиданія. Это живое, не смотря на преклонные годы отношеніе къ дѣлу, эта тревожная забота о томъ, точно ли онъ успѣлъ охватить всѣ стороны вопроса, это постоянное недовѣріе къ своей мысли, и уваженіе къ мысли самого скромнаго противника, производятъ глубокое впечатленіе, но это впечатленіе достигаетъ высшей степени при видѣ того полнѣйшаго отсутствія озлобленія или горечи, при видѣ той добродушной улыбки, которая оживляла его лицо, каждый разъ когда разговоръ случайно касался тѣхъ преслѣдованій, кото-

рымъ его идеи подвергались въ его отечествѣ—и за его предѣлами.

Позвольте мнѣ закончить этотъ, нѣсколько затянувшійся, но боюсь слишкомъ блѣдный очеркъ личности и ученія Дарвина послѣдними словами, которыя я слышалъ изъ устъ этого гениальнаго человѣка. Хотя они прямо не относятся къ предмету этой лекціи, зато, кстати, напомнятъ намъ о той главной цѣли, ради которой мы собственно собрались въ эту залу. Утомившись продолжительнымъ, оживленнымъ разговоромъ онъ простился со мной и оставивъ меня съ своимъ сыномъ удалился, чтобъ отдохнуть, но чрезъ нѣсколько минутъ возвратился въ комнату со словами: „Я вернулся чтобъ сказать вамъ только два слова. Въ эту минуту (это было въ прошломъ іюлѣ) вы встрѣтите въ этой странѣ много людей, которые только и думаютъ о томъ, чтобъ вовлечь Англію въ войну съ Россіей, но будьте увѣрены что въ этомъ домѣ, симпатіи на вашей сторонѣ и мы каждое утро беремъ въ руки газету, съ желаніемъ прочесть извѣстія о вашихъ новыхъ побѣдахъ“.

Противъ этихъ сочувственныхъ словъ, я надѣюсь, не стану возражать даже самые ожесточенные изъ нашихъ отечественныхъ обличителей и порицателей великаго ученаго, что же касается до меня, то я готовъ и въ этихъ немногихъ словахъ видѣть два основныя качества, характеризующія всю дѣятельность этого человѣка — я узнаю въ нихъ проницательность мыслителя, сумѣвшаго возвыситься надъ предрасудками своего народа — точно такъ же, какъ въ своемъ ученіи онъ сумѣлъ возвыситься надъ предрасудками своего вѣка; я узнаю, всѣми, даже врагами, признанную, правдивость отважнаго борца за истину, открыто, честно, смѣло высказывающаго свои убѣжденія—ни мало не заботясь о томъ, суждено ли имъ встрѣтить въ окружающей средѣ одобреніе или порицаніе.

Въ пользу учрежденія университетской стипендіи для дѣтей
войновъ и врачей, пострадавшихъ въ настоящую войну.

Цѣна 50 коп.